

JEAN-PHILIPPE ARROU-VIGNOD

MIMSY POCKET
ET LES ENFANTS SANS NOM

Gallimard Jeunesse

ЖАН-ФИЛИПП АРРУ-ВИНЬО

МИМСИ ПОКЕТ И ДЕТИ БЕЗ ИМЕНИ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО ИРЫ ФИЛИПОВОЙ

Москва **КомпасГид**
издательский дом

2018

УДК 821.133.1-31-053.6
ББК 84(4Фра)6-44
А84

Автор обложки Екатерина Песчанская

Арру-Виньо, Жан-Филипп.

А84 Мимси Покет и дети без имени : [для сред. и ст. шк. возраста : 12+] / Жан-Филипп Арру-Виньо ; пер. с фр. Иры Филипповой ; [авт. обл. Е. Песчанская]. — М. : КомпасГид, 2018. — 264 с. : ил. — Доп. тит. л. фр. ISBN 978-5-00083-453-4

Беги, Мимси Покет, беги! Скрываться, исчезать, растворяться во тьме — ты умеешь это лучше всех. Стоит тебе оказаться в незнакомом месте — и через секунду подсчитаешь все выходы, лазейки, укрытия. С таким навыком тебе ничего не страшно, даже люди-волки. Ты сбегала от них раз, сбежишь и в другой!

Оглянись вокруг, Магнус Миллион! В Сильвании что-то снова идёт не так. Великий герцог, 12-летний мальчишка-весельчак, этого точно не замечает — и тебя, как старшего, не зря поставили следить за ним. В соседнем купе правительственного поезда может ехать опасный преступник, за углом — поджидать заговорщик, а в ближайшем окружении — таиться предатель. Магнус, будь начеку, а главное — не засыпай!

Маленькая Сильвания — арена грандиозных интриг: мало того что соседи угрожают войной, так ещё и внутри государства происходят странные вещи. Чёрная Дама и её свита рыщут по всей стране, ловят беспризорных детей и собирают их в одном большом доме — но какую цену малышам придётся заплатить за этот кров?

Жан-Филипп Арру-Виньо признался однажды, что планировал ограничиться одной книгой о Магнусе Миллионе, однако так полюбил его приятельницу Мимси Покет, что в итоге посвятил ей отдельное произведение (для российских читателей — вновь в переводе Иры Филипповой). 14-летняя девочка, чемпионка среди проныр и карманников, и вправду героиня, с которой не хочется расставаться. Магнусу, впрочем, расстаться с ней пришлось: Мимси не смогла жить в огромном особняке Миллионов, где ей была выделена шикарная спальня, и, конечно, сбежала. На свою голову... С этого-то всё и началось.

УДК 821.133.1-31-053.6
ББК 84(4Фра)6-44

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «КомпасГид».

Originally published under the title
Mimsy Pocket et les enfants sans nom by Jean-Philippe
Arrou-Vignod
© Gallimard Jeunesse, 2015
© Издание на русском языке. перевод на русский язык,
оформление. ООО «Издательский дом «КомпасГид»,
2018

ISBN 978-5-00083-453-4

Патрисии, Орелиену и Камилле, всегда

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Она сидела, съёжившись, в своём укрытии.

Живой она им не дастся!

В боку колело, кровь стучала в висках. Она закрыла глаза, прячась от слепящего света. Её так просто не возьмёшь.

Одна против троих. Противостояние было неравным. Но они не представляли себе, с кем связались.

Только бы приглушить стук сердца! В тишине ночи его удары раздаются гулко, словно в колодце. А ведь у волков острый слух. Они за километры слышат, как бьёт крыльями раненая птица.

Тех, кого она назвала волками, было трое. Быстрые, молчаливые, вооружённые боевыми тростями с железными набалдашниками. Длинные полы распахнутых шуб вздымали вокруг клубы снега. Три охотника: бессловесных, безжалостных, бесстрашных.

Ей удалось оторваться?

В ушах до сих пор стоит яростный рёв, который испустил самый огромный, когда они её упустили. Она не видела его лица, только длинный нос, высунувшийся из-под меховой шапки в то мгновение, когда прозвучал этот нечеловеческий крик.

Люди-волки, подумала она тогда. Оборотни, пущенные по её следу.

Построенный на болотах, Нижний город Гульденбурга был весь изрезан мостами — до того узкими, что два человека могли разойтись на них только боком. Вот тут они её и поймали: она шла через мост над потоком чёрной воды, когда перед ней выросли две тени.

Ловушка. По скрипнувшему доскам за спиной она догадалась, что есть ещё и третий. Загонщик. Она заметила его несколько минут

назад, когда шла по улице Дубильщиков, той же дорогой, которой всегда возвращалась к себе в нору: человек стоял, прислонившись к ободранной стене, и небрежно закуривал сигару.

Он мог оказаться кем угодно: переодетым полицейским, грабителем, поджидающим жертву, пьянчугой (их всех в этой части города было предостаточно) или просто полуночником, бредущим среди ночи к себе домой.

Когда так долго живёшь без надёжной крыши над головой, волей-неволей развивается шестое чувство. Дело было ночью, зимой. Она сразу заметила боевую трость и увидела в дрожащем пламени спички, которое человек защищал ладонью от ветра, два жёлтых глаза, обращённых к ней.

В этот поздний час квартал был пуст. Он имел дурную славу: тут человека запросто могли зарезать посреди улицы, и никто бы даже глазом не моргнул.

Она не раздумывая развернулась и побежала к мосту. «Уж лучше сделать крюк, чем попасть в передрагу», — говорила она себе, вгрызаясь в яблоко, которое достала из кармана.

Но человеку только того и надо было: направить её в ловушку. Она поняла это слишком поздно. Он шёл за ней, не отставая ни на шаг, и, когда она по его милости ступила на расшатанные доски моста, ловушка захлопнулась с обеих сторон.

Двое других уже двигались ей навстречу, до того огромные, что каждый занимал всю ширину моста.

Она мысленно выругалась, проклиная себя за неосмотрительность. — Ну-ка стой, малышка.

Тот, кто процедил это сквозь зубы, был на две головы выше остальных. Без сомнения, вожак стаи. В шапке с нелепыми меховыми ушами, которые били его по щекам. Она почувствовала резкий запах сигары третьего, стоявшего у неё за спиной: маленького, нервного, со злобным взглядом — возможно, именно он был самым опасным из них.

— Стой на месте, куколка, — снова проговорил вожак, вертя в обтянутых перчатками пальцах трость. — Не заставляй нас

делать тебе больно. Просто по-хорошему иди за нами, и всё будет в порядке.

— Не приближайтесь, — предупредила она. — А то...

Оборотень весело захохотал. Он, такой большой и сильный, одним ударом ноги расплющил бы в лепёшку это крошечное существо, — и ей ещё хватало наглости ему угрожать?

Его смех прервал неожиданный пинок в колено. Взвыв от боли, вожак бросился на девчонку. Но она, быстрая, как молния, уже отскочила назад.

Прямо на человека с сигарой, который размахивал боевой тростью.

Его движениям не хватало точности — мост был слишком узок. Первый удар пролетел мимо. Второй, хотя и не слишком меткий, пришёлся ей в ухо. От боли перехватило дыхание, электрическим разрядом обожгло половину лица. Яблоко выпало из руки и улетело в воду.

— Держи её! — заорал главный. — Упустите — убью!

Они всё-таки плохо знали, с кем имеют дело. С ловкостью кошки она вскочила на перила, на секунду задержалась там, борясь с головокружением от удара и пытаясь поймать равновесие.

И через мгновение прыгнула в пустоту.

— Чёрт возьми! Уходит!

Перегнувшись через перила, оборотень вглядывался в гущу тумана и прислушивался, ожидая услышать всплеск.

Зимой сеть водных потоков, на которых стоял Нижний город, превращалась в смертельную ловушку. У того, кто падал в эту воду, не оставалось ни единого шанса: холод мгновенно сковывал несчастного мёртвой хваткой, и через несколько секунд река текучим саваном укрывала свою добычу.

Несколько мгновений оборотень стоял, нагнувшись, над водой. Когда стало ясно, что они её потеряли, он повернулся к остальным и прошипел сквозь зубы:

— Если она утонула, вы за это поплатитесь, обещаю!

Один из охотников пожал плечами.

— Она же сама туда прыгнула...

Удар тростью выбил сигару у охотника из губ, красный огонёк мелькнул в воздухе и растворился в тумане.

— Молчать! Тебе платят за то, чтобы ты их привозил, а не за то, чтобы убивал!

— Да их там целый порт, — вставил третий. — Одним больше, одним меньше, никто и не заметит.

Вожак занёс над ним трость, задыхаясь от гнева.

— Ещё одно слово, и ты мертвец.

С неба посыпал мелкий колючий снег. Главный снял шапку и опёрся на перила.

Наконец-то можно его как следует разглядеть. Оказывается, у него вовсе не волчья морда, а самое что ни на есть настоящее человеческое лицо, с выдающимся носом и подбородком, правда, от губ до уголка глаза пролегал глубокий шрам.

— Пошли обратно, — бросил он, морщась от боли. — Здесь больше делать нечего.

Вожак уходил с моста прихрамывая. Мало того что эта малявка ухитрилась ускользнуть, так она ещё и едва не переломила ему колено.

Паршивая ночь для оборотня... К счастью, возвращаются они всё же не с пустыми руками. Хозяйка будет довольна: охота прошла удачно.

☆

Их шаги тонули в толстом слое снега, а вскоре затихли вовсе, оставив за собой лишь дрожь расшатанных досок старого моста. Она подождала ещё несколько минут, затаившись в тени, пока не убедилась окончательно, что они ушли. Только после этого она решилась выбраться из укрытия.

Как бы ни были они хитры и коварны, оборотни не знали Нижний город так хорошо, как она. Девочка бросилась с моста

не задумываясь и полагаясь на туман, в котором можно будет найти какой-нибудь выход. Ей сказочно повезло: охотники купились на её трюк.

Правда, справедливости ради надо заметить, что никто другой на её месте не выкрутился бы из этой ситуации. Её пальцы соскользнули с доски, за которую она, падая, пыталась ухватиться. Но она была лёгкой как пушинка и сумела, сделав рывок нижней половиной туловища, зашвырнуть себя под мост. Там, наполовину вмёрзшие в лёд, стояли плоскодонные лодки, которыми пользуются странствующие торговцы, бороздящие просторы реки. Лодка, на которую она свалилась, издала жалобный стон, но, к счастью, его перекрыл рёв оборотня. На мгновение ей показалось, что лодка под ней вот-вот развалится, как затонувший корабль, слишком долго пролежавший на дне.

Туман и ночь сделали остальную работу.

Пока они высматривали беглянку в тёмных водах реки, она сидела, съёжившись, в укрытии прямо у них под ногами и старалась не дышать, наблюдая за их отчаянно жестикующими силуэтами сквозь щели между досками моста.

Когда стало очевидно, что опасность миновала, она наконец разогнула затёкшие ноги и руки. Стоял сильный мороз, и без движения она совсем окоченела. Удар тростью был таким мощным, что она не чувствовала уха: его будто отсекли взмахом сабли.

Оставалось выпутаться из крайне неудобного положения, в которое она угодила. Берега, на который можно было бы выбраться, здесь нет, вокруг сплошь туман и угрюмая вода, до того грязная, что в ней не отражаются предметы.

На ощупь она перебралась в другую лодку, а оттуда с трудом дотянулась до опоры моста. Дальше дело пошло веселее. Руки в рваных перчатках без пальцев скользили по древесине, покрытой коркой льда и присыпанной снегом, но ей в жизни встречались задачи и посложнее. Она добралась до центральной перекладины, вскарабкалась на неё, подтянулась, изогнулась и — оп! — протиснулась между двух расшатанных досок. И наконец снова очутилась

на мосту, по которому с прежней яростью продолжал хлестать снег.

Через секунду она уже бежала прочь, подхваченная порывом ветра.

Скорее в нору. Сейчас в голове только эта мысль.

Китель разорвался, руки ободраны, зато спасена.

Она страшно злилась на себя, что чуть не угодила в лапы к оборотням.

Впредь надо быть осторожнее. Здесь, в нижней части Гульденбурга, больше нельзя вот так запросто разгуливать по ночам. После комендантского часа Нижний город превращался в опасное место: нищие, бродяги и воры всех мастей выползали с задних дворов и из подвалов, раздевали тех, кто побогаче, отнимали последнее у тех, кто беднее, и ради нескольких сильвенгрошей резали друг другу глотки в тавернах.

С наступлением ночи тяжёлые непробиваемые ворота Верхнего города закрывались на два оборота замка. Горе опоздавшему. Такого обычно находили в придорожной канаве, если, конечно, не вылавливали в реке, где он плавал кверху брюхом, похожий на огромную жирную рыбу.

Даже полиция, если и решалась спуститься в эту клоаку (что случалось крайне редко, только в самых ужасных случаях), — даже полиция оказывалась здесь бессильна. В Гульденбурге, столице крошечной страны Сильвании, бедных было больше, чем богатых, — как и повсюду на земле. Вот только здесь богатые были намного богаче, а бедные — намного беднее, чем везде. И это вопреки усилиям великого герцога («ребёнка двенадцати лет!» — усмехались недоброжелатели), который старался, чтобы в этом разделённом надвое городе стало хоть немного больше справедливости.

Девчонка, бежавшая сквозь снегопад, принадлежала ко второй категории людей — тех, что беднее всех. Дитя улиц, росту — от горшка

два вершка, несмотря на то что ей уже исполнилось четырнадцать. Чем она занималась? Она была профессиональной воровкой, карманницей и по мере необходимости взломщицей. Не нашлось бы такого потайного кармана в пальто, такого замка с суперсекретным кодом и такой недосягаемой крыши, которые ей бы не поддались.

Мы остерегаемся верзил с бандитскими физиономиями, изуродованными шрамами, но уж никак не девчонок с губами-вишенками и глазами, похожими на два миндальных ореха.

Но на этот раз Мимси Покет (а её здесь знали именно под таким именем) повела себя слишком неосторожно.

Уже несколько недель среди обитателей улиц ходили разговоры о неизвестной банде, орудующей в самых нищих районах Нижнего города. Людях в волчьих шапках, которые выходили на дело глубокой ночью. Тайная полиция? Особая разведывательная служба? Разбойники, явившиеся из соседнего города? Никто толком не знал. Те, кому уже довелось столкнуться с бандой, были до того напуганы, что предпочитали молчать. Другие говорили о жестоких налётах, о повозке-тюрьме, о загадочных исчезновениях детей...

Мимси не придавала большого значения этой болтовне. Как маленький зверёк, привыкший жить в опасности, она относилась к ней как к чему-то обыденному и почти ничего не боялась.

Постоянно быть настороже — да. Следить, не идёт ли кто за тобой. Не доверять никому и ничему. Быть готовой удрать в любую секунду, ладно. Но прислушаться к пустым разговорам и покинуть свою территорию? Это уж извините, вы плохо знаете Мимси.

Однако оказалось, что оборотни не выдумка. Теперь она увидела их собственными глазами. И собственными ушами услышала, как взвизгнул воздух, когда низкорослый стегнул её тростью, и как взвыл главный волк, когда она сбежала.

«Да их там целый порт», — сказал один.

Мимси инстинктивно ускорила шаг.

Подойдя к дому — ну, или тому месту, которое она считала домом и которое представляло собой огромное складское помещение в речном порту, — она сразу заметила отпечатки колёс на снегу.

Здесь останавливалась повозка. Следы ног вели к зданию.

Портовые доки были давно заброшены, а прежде в них размещались склады и судостроительная верфь. Корабли, идущие по Акеросу, реке с семью изгибами, раньше приставали здесь, чтобы разгрузить товары, пополнить запасы продовольствия или подлатать швы. У Мимси Покет была нора в одном из перевёрнутых судов, которые лежали тут подобно стае кашалотов, выброшенных на берег.

Жилище незатейливое, зато надёжное. Скамейка, грязный брезентовый чехол вместо крыши и несколько одеял — о большем комфорте она и не мечтала. Старых досок, чтобы согреться зимой, здесь было сколько угодно: огонь разжигали в старой бочке, в которой прорезали дверцу, — она служила жаровней и прекрасно отпугивала крыс.

По соседству с Мимси обитало несколько других детей — такие же бродяги, как она. Каждый имел здесь собственный угол, за который готов был сражаться с яростью зверя.

Тут жил Большой Каль с двумя младшими сестрёнками, подозрительный тип по кличке Одноглазый Братч и чудака Пётр Беглый, который появился последним. Назвать их одной шайкой было бы неверно, они жили, скорее, сами по себе, просто привыкли, возвращаясь сюда, собираться вместе.

Мимси признали тут не сразу. Сначала приходилось спать вполглаза и прятать под матрасом кухонный нож, и со временем её оставили в покое.

Следы вели к заднему входу на склад. Слыша стук своего сердца, она бесшумно отодвинула раздвижную дверь и проскользнула внутрь.

Ни шороха. К привычным запахам гудрона и старой оснастки примешивался какой-то незнакомый. Кисловатый, острый. Пахло страхом.

Мимси тихонько свистнула. Это был тайный сигнал. Когда спишь с пустым желудком, сон чуткий, неглубокий. Однако на свист никто не отозвался. На второй — тоже.

Она зажгла спичку и протиснулась в угол Петра.

Пусто.

Ещё одна спичка. Братча под листом железа, служившим ему спальней, тоже нет.

И в шаткой хижине, где обитали Каль с сестричками, никого.

Оборотни действовали безжалостно. Они всё перевернули вверх дном, опрокинули, разломали... Каль наверняка отчаянно бился, защищая сестёр.

Даже деревянную раскрашенную куклу, висевшую над матрасом малышей, отодрали от стены и швырнули на пол. Собирая обломки игрушки, Мимси почувствовала, как к горлу подступает комок. Без сомнения, это были они. Конкурирующая шайка просто ограбила бы их жилище или заняла его сама. Но ни одна банда не стала бы действовать с такой холодной, продуманной жестокостью.

Её собственная нора тоже не избежала разорения.

Сумка валялась в углу вверх тормашками, содержимое на полу. Удар трости разбил осколок зеркала и щербатую фарфоровую миску, служившую умывальником.

Оборотни явились сюда не случайно. Они определённо слышали про это место и знали, какая добыча от них ускользнула. Иначе невозможно объяснить их бешеную ярость. То-то они, должно быть, удивились собственной удаче, когда чуть позже натолкнулись на эту девчонку в берете, надвинутом на глаза, которая, лихо насвистывая песенку, шагала по ночному городу и грызла яблоко — свой нехитрый ужин...

Растерянная и ошарашенная, она присела на корточки.

Что теперь делать? Куда бежать? Укрытие обнаружено. Они наверняка вернутся. Может, не сегодня, но завтра или послезавтра... Остаться здесь нельзя.

Она забила в самый тёмный угол, завалила себя всеми одеялами и сумками, которые смогла найти. Грудь сжималась от тоски и злости, тело сотрясала дрожь.

Холодный ветер врывается сквозь трещины в стеклянной крыше, стены скрипели от мороза. Она всегда яростно боролась за своё одиночество, но теперь, когда рядом больше никого не было, поняла, как подбадривало её присутствие остальных.

Где они теперь? Большой Каль с сёстрами? Пётр Беглый и Одноглазый Братч? Куда их увезли? И живы ли они вообще?

Сил на раздумья больше не оставалось. Их хватило лишь на то, чтобы свернуться клубочком в своей норе, подобно раненому зверьку.

«Магнус, — вдруг подумала она. — Магнус...»

Только он может помочь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Поезд неспешно катил по ночной дороге, окутанный клубами дыма.

«Там-там-тагадам!» — чеканили колёса. «Динь-дилинь!» — позвякивали бокалы, хрустальные графины и фарфоровые тарелки в буфетах красного дерева в бронированном вагоне.

Мягкие ковры, в которые нога проваливалась по щиколотку, дорогая мебель, картины, подрагивающие на ходу в драгоценных рамах, — ни дать ни взять парадная гостиная перемещается в ночном пространстве.

Растянувшись на диване, обтянутом жёлтым бархатом, Магнус Миллион зевал над книгой. Масляные лампы отражались в стёклах и летели пятнышками света по пейзажу за окном, будто удивительные блуждающие огоньки. Спутник Магнуса сидел за письменным столом, нахмутив брови, просматривал документы и подписывал их аккуратным и округлым росчерком пера.

Настенные часы пробили полночь, и Магнус снова зевнул. От большой керамической печи исходило убаюкивающее тепло. Он покосился на купе за инкрустированными перегородками, которые занимали вторую половину вагона. Ему не терпелось поскорее удалиться в своё, но он не решался прервать серьёзное занятие своего спутника, чьё перо размеренно позвякивало по хрусталу чернильницы.

«Какого дьявола я согласился на это задание?» — в сотый раз спрашивал он себя.

Прищурившись, Магнус попытался определить их местоположение на карте, висевшей перед ним на стене. Сильвания была

небольшой страной, но её железные дороги петляли по такой плотной сети озёр и гор, что расстояния становились просто бесконечными. Где они теперь? Деревушки, мимо которых они проезжали, походили друг на друга как две капли воды: круг из невысоких домиков, укрытых снегом, несколько сараев да иногда — церквушка, в которой заунывно звонит колокол.

Они покинули родной город ещё вчера, и, когда закончились монотонные северные равнины, поезд въехал в лес, по которому, насколько мог судить Магнус, шёл до сих пор.

Временами ёлки царапали иголками стекло, будто кто-то живой стучался в окна, а потом снова наступала тишина, прерываемая лишь простуженным пыхтением паровоза, прокладывающего путь сквозь тьму и непогоду.

— Поздно уже, ваше величество. Вы бы поспали немного.

Юный государь оторвал взгляд от бумаг. В свете масляной лампы он выглядел таким бледным, что Магнус испугался, как бы он не потерял сознание.

— Вы устали. Вам нужно отдохнуть.

Великий герцог потрянул головой:

— Завтра вечером мы прибудем в Смолдно. А у меня ещё так много дел.

— Ну тогда вам нужно выпить чаю. И побольше сахара туда, — сказал Магнус и подошёл к самовару. — И поесть, кстати, тоже не мешало бы, ваше величество. К печенью вы так и не притронулись.

Письменный стол, заваленный бумагами, раньше принадлежал великому герцогу Атаназу, отцу юного правителя. На фоне этого тяжёлого и величественного предмета мебели мальчик выглядел совсем маленьким. А тонкое лицо, обрамлённое гладкими волосами, которые разделял безупречный пробор, казалось девичьим.

Магнус поставил на стол чашку. Он робел перед великим герцогом, хотя тот и был на три года младше (а может, именно поэтому). Обычно мальчишки, встречаясь, смеются, ссорятся, отвешивают друг другу тумачи. А как вести себя с правителем, который,

надев домашнюю куртку и наморщив лоб от усердия, до глубокой ночи размышляет над государственными делами?

— Ты лучше сам ложись. Я позвоню, если что-нибудь понадобится. И потом, разве я не просил называть меня просто Никлас?

— Просили, ваше величество, — пробормотал Магнус. — Ну, тогда до завтра. Спокойной ночи.

Магнус чувствовал себя способным на многое, но обращаться к великому герцогу по имени было выше его сил.

В ту ночь он спал плохо.

Койка в вагоне была узковата для его крупного тела, голова покачивалась под стук колёс и ритмично билась о перегородку, отчего Магнусу казалось, что он болтается внутри сколоченного из скрипучих досок гроба.

— Миссия... — бормотал он в полусне. — Защитить великого герцога...

И в туалетной комнате, смежной с купе, ему весело вторил подпрыгивающий в подставке стакан для полоскания рта.

Магнус не был большим любителем приключений. Да и любопытство не являлось его отличительной чертой. К своим пятнадцати годам он ни разу не покидал Гульденбурга, не считая нескольких выездов на пикник — традиция, прервавшаяся после смерти матери, как и многие другие.

Да и вообще, с чего бы вдруг тащиться в такую даль среди зимы, если ты единственный сын самого богатого человека в стране и в твоём особняке сорок три спальни и целая армия прислуги, готовая выполнить любую твою прихоть?

Но несколько дней назад спокойная жизнь пошла кувырком.

Сквозь прерывистый сон Магнус снова и снова переживал случившееся. Сначала у ворот лица остановился правительственный лимузин, который отвёз его во дворец великого герцога. Потом было долгое ожидание в холодном коридоре, наводнённом

чиновниками, которые с деловым видом сновали туда-сюда с толстыми папками под мышкой.

Место, конечно, впечатляло: все эти люстры, зеркала и шахматный пол. Магнуса впервые вызвали во дворец. У него вспотели ладони и сердце колотилось, как в кабинете директора, когда чувствуешь себя виноватым в проступках, которых не совершал.

— Входи, Магнус, — сказал его дядя, приглашая в кабинет. — Извини, что заставил ждать.

Свен Мартенсон уже год служил специальным советником при дворе великого герцога. В некотором смысле выполнял роль премьер-министра. С тех пор как дядю назначили на этот высокий пост, Магнус видел его крайне редко и теперь с изумлением обнаружил, как сильно тот поседел.

Или дело было в одежде? В строгом пиджаке и галстук в мелкую полоску Свен казался резко постаревшим, чрезвычайно занятым и каким-то чужим.

Он указал Магнусу на кресло, а сам принялся мерить комнату шагами, заложив руки за спину. Он волновался и не мог сесть или хотя бы остановиться.

— Я не спрашиваю, как дела, — начал он, взглянув на карманные часы. — Вижу, ты опять подросток. В регби¹ тебя бы уже определили во вторую линию. Однако к делу. Ты мне нужен. Надо кое-куда поехать. Завтра. Будешь сопровождать великого герцога. Присматривать за ним.

Магнус едва не задохнулся.

— Что? — переспросил он. — *Что* нужно делать?

— Завтра его величество отправляется в путь. На своём личном поезде. У него встреча на границе с послами Западной Сильвании. Это поездка чрезвычайной секретности. Естественно, вы будете под надёжной охраной. Но мне необходим свой человек, которому я мог бы доверить сопровождать великого герцога.

Он выпалил всё это со скоростью пулемётной очереди.

¹ На вторую линию атаки в регби ставят обычно самых высоких игроков. (*Здесь и далее — примеч. ред.*)

— Надёжный человек? — снова переспросил Магнус.

«Но разве я надёжный? — хотел запротестовать он. — И уж тем более какой из меня телохранитель? Я всего лишь подросток, которого сорвали с унылого урока алгебры и которому крупно достанется, если он опоздает в столовую на завтрак».

Вместо этого мальчик сказал:

— Вам следовало спросить моего отца. Он ни за что не позволит мне пропустить занятия в лицее.

— Напротив. Твой папа будет счастлив избавиться от тебя на несколько дней. И твои учителя — тоже. Всё улажено, не беспокойся.

С этими словами Свен протянул Магнусу сложенный листок.

Магнус изумлённо пробежал документ глазами. Разрешение на пропуск занятий, подписанное директором лицея и заверенное печатью. Причина отсутствия — «дело государственной важности».

— Раньше я сказать, конечно, не мог. Никто не должен знать о том, что великий герцог отправляется к границе.

У Магнуса от ярости даже в носу защипало.

— То есть вы у меня за спиной всё давно спланировали? И даже не спросили моего мнения?

Он вдруг совершенно вышел из себя. По какому праву они распоряжаются его судьбой? У него была своя жизнь — правда, не слишком интересная и даже, если честно, невыносимо скучная. Но чего ради он должен отказываться от неё и нестись сломя голову куда-то на другой конец страны?

— В общем, дорогой дядя, я против! При всём уважении к вам. Найдите себе другую марионетку. Во-первых, я терпеть не могу поезда, а во-вторых, у меня нет никакого желания принимать участие в вашей очередной затее! Великому герцогу ничего не... Вы меня вообще слушаете?

Дядя приложил указательный палец к губам, бросился к двери и резко распахнул её. Там никого не было.

— Прекрасно, — усмехнулся Магнус. — Чего вы боитесь? Что я привёл за собой хвост? За вами шпионят?